

Владимир Скалкин: "Я не гулял в пампасах и не носил лампасы"

Владимир Скалкин — лингвист и сатирик

В этом году исполняется 15 лет как ушел из жизни талантливый одесский лингвист и преподаватель Владимир Львович Скалкин. Многие одесситы старшего поколения, особенно те, кто покидал родной город в 70-80-е годы прошлого века, хорошо знают его учебные пособия по разговорному английскому, — полученные с их помощью языковые навыки облегчали вхождение в зарубежную жизнь. Впрочем, эти пособия популярны до сих пор.

Лингвистическая стезя у Володи Скалкина определилась еще в отроческие годы: как сирота он был определен в Одесскую спецшколу-интернат с преподаванием ряда предметов на английском языке (любили у нас тогда длинные названия, сейчас это просто Интернат № 2), а после ее окончания поступил в Военный институт иностранных языков в Москве. Там он получил не только прекрасные языковые знания, но и инвалидность: застудил почки после очередного марш-броска, в результате мучился всю жизнь из-за высокого давления и других сопутствующих болячек.

Комиссованный из вооруженных сил, он окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков, много работал и многого добился — написал полтора десятка учебников и методических пособий по обучению английскому языку, стал профессором, заведующим кафедрой в Одесском университете. Его приглашали выступать на многочисленные научные конференции от Берлина и Будапешта до Свердловска и Баку. После развала Союза в одесских изданиях он опубликовал немало статей, в которых выступал против начавшейся уже тогда насильственной замены русского языка украинским в традиционно русскоязычных областях Украины.

И вся эта деятельность шла через преодоление нарастающих недугов. Порой это прорывалось в письмах друзьям: "До сих пор болею. Только вчера полегчало, смог вот сесть за письменный стол. Обострение деформирующего обменно-дистрофического полиартрита обеих конечностей — голеностопы, коленные суставы. Дичайшая, жесточайшая боль. Нельзя стать ни на одну ногу. Миллионы людей должны ценить свою способность самостоятельно пройти в туалет. Это подлинное счастье, мало ценимое".

Но как истинный одессит, от боли он спасался юмором:

"Я решил, собрав всю волю, подняться, встать, наконец выздороветь, чтобы подготовиться к смерти. Дело в том, что у меня множество незавершенных дел. Надо привести в порядок документацию, финансовые дела, завершить отзывы на диссертации, решить что-то с недвижимостью: в сарае много ненужных вещей, включая совершенно новый унитаз, не бывший в употреблении".

Если педагогическая и научная деятельность Владимира Скалкина была известна многим, то его искрометный талант сатирика и юмориста раскрывался лишь при его общении с друзьями и близкими коллегами. Мы впервые публикуем некоторые описания Скалкиным окружающей его жизни, самоироничные интервью и гротескные тосты, которыми он одаривал однокашников и сослуживцев.

* * *

После окончания института, в августе 1957 года, Скалкин по распределению жены Тамары едет в г. Куйбышев (ныне Самара), и в письмах друзьям оттуда живописует перипетию своей жизни.

Евгений ПОЗДНЯКОВ

Самарские впечатления, или Записки безработного

Ой, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я,
Успокой ты меня.

Из отпетой песни

В дореволюционной Самаре не было ни одного детсада или яслей. Теперь только в одном Самарском районе их насчитывается 167 штук!

Из призыва на ул. Арцибушевской

О! Как я ненавижу жалкие слова! Когда я их слышу, я чувствую, как сокращается моя жизнь и увеличивается печень. Одну из причин, побудивших меня покинуть Москву, вы найдете в возмутительно жалком и непонятном для меня слове МИУССЫ, которое мне приходилось слышать в столице на каждом шагу. О, это отвратительное слово, и вряд ли душа истинного лингвиста способна его вынести.

Но по пути меня подстергали еще более тяжкие испытания. Мало того, что я проехал мимо станций ВЫГЛЯДОВКА и РАМЗАЙ! Впереди меня ждала станция ПЯША, название для меня совершенно неясное, а посещение для меня крайне раздражительное. В СЫЗРАНИ я уже было совсем сошел с поезда, чтобы повернуть путь назад. И я бы это непременно сделал, если бы тяжесть моего багажа не превысила тяжесть дорожных впечатлений...

Но за все это я был вознагражден в Самаре (ныне Куйбышев). Едва я вступил на ее гостеприимную землю, я понял, что здесь любят и ценят хорошие слова. Например, деревянный, с дырявыми крышей и стенами сарай именуется не иначе как МЯСНОЙ ПАССАЖ. А каморку, где спят бородатые сторожа, гордые самарцы называют красивым, хотя и несколько двусмысленным словом ШВЕЙЦАРСКАЯ. Под тоже приятным словом КАФЕ здесь подразумевается небольшая засиженная мухами комната с железной сеткой вместо двери, где нет не только бутербродов, пончиков, пирожков, сосисок, булочек, салатов и какао, но и даже кофе или чая. Иногда, впрочем, к слову КАФЕ милые самарцы присовокупляют через тире еще МОРОЖЕНОЕ, но ассортимент товаров остается тем же "статус кво".

Мне кажется, что так называемая цивилизация не очень трепала этот город. О Самаре можно сказать, что она хорошо сохранилась. Похоже на то, что через Самарскую улицу проходил великий путь не из варяг в греки, а из Петербурга в Москву. И это дает себя знать. Самарец, к примеру, еще не додумался построить себе общественную уборную и поэтому вынужден унижать себя всякий раз, когда за известной нуждой сигает в чужую подворотню. Находясь вдали от бойких мест, где царят закоренелый цинизм и жестокий чистоган, самарец сохранил девственную чистоту своего воображения и полностью способен воспринимать стихи. Но этого мало: он их настолько любит, что охотно украшает ими свои проспекты. Вот лишь некоторые образцы его творчества:

Без упорного труда
Нет плода!

Свет зеленый говорит:
Проходите — путь открыт!

В сберкассе деньги накопили —
Велосипеды мы купили!

Хочешь строить дом —
Каждый рубль эконошь!

Хорошо трудиться,
Значит хлеб родится!

или: Кто трудиться рад,
Тот хлебом богат.

Трудно рифмуемые возгласы и призывы по традиции также пишутся в стихотворный столбик, например:

Выше знамя пролета-
рского интернационализма!

Разве можно сдерживать слезы умиления при виде этих поистине трогательных, душевных, полных неподдельной поэзии и заботы о человеке стихов! Признаться, это тронуло меня, и тронуло больше, чем если бы вместо этого самарец занялся чисткой улиц от окурков и скорлупы подсолнуха. Что чистота?! Ее и дурак добиться может! Нет, ты поди составь стихи да развесь их хорошенько по кварталам (только квартал и ни в коем случае не кварта́л).

Вообще, житель бывшей Самары — большой любитель писать. Его вековая страсть грамотея к перу проявляется во всем, где только может выказаться творческая индивидуальность, будь то лозунг или призыв, надпись или реклама. Даже сухие рамки доски объявлений не являются помехой для творчества. Конечно, случаются иногда и неточности в стиле, типа:

КИОСКА ОТКРЫТА С 9.00 или ЗАПИСЬ ПРИЗВОДИТСЯ

Но это лишь печальные исключения. Главное не в этом. Главное вот:

Меняю квартиру в пос. Кряж.
Имеется оборудованный погреб.
Удобства частично во дворе
(нужник и вода).
Подвалов не предлагать!
Прохильдянов

Это объявление вы не можете не прочитать еще раз, но ваше внимание уже увлечено еще более ярким и лаконичным призывом:

ТРЕБ-СЯ КОНЮХ, он же ШОРНИК. ЗАГОТСКОТ

Я лично без ума от следующей вывески, ее я читаю почти каждый день, и всегда с удовольствием:

ДАМСКИЙ МАСТЕР
И
КОЖАНОЕ ПАЛЬТО СУРКОВ

Часто в надписях самарцы используют законы наглядности, например:

ФОТО НАХОДИТСЯ ТАМ →

Или опять же иностранные слова. Так, все аптеки кроме надписи на русском имеют также надписи на немецком, французском и латинском языках.

Вообще же город производит весьма милое впечатление. Он прост, хотя и достаточно идеен. Правда, здесь несколько запаздывает борьба со стилем, но это не вина Самары. Не вина, а заслуга ее в том, что стиль и стилиги еще как следует не появились под сенью ее неоновой рекламы. Поэтому Самара вся еще ходит в широких штанах.

Но город, повторяем, все равно хорош. Конечно, это не Рио-де-Жанейро, где все поголовно ходят в белых и узких брюках. Это и не Одесса, где днем любят вареную кукурузу ПШЕНКУ, а ночью страстных женщин. Но это и не Москва, где никогда ничему не удивляются и умирают в очередях за "Вечеркой".

Самара — это ни то, ни другое и не третье! Этот город многого лишен. Он лишен белых штанов, фонтанов и краковской колбасы, постоянного цирка, магазина "Охотник" и чувства юмора, архитектурных ансамблей, породистых собак и кошек, папирос "Прибой", чистоты и эскимо, статуй древних греков и общественных уборных.

* * *

Главное: нужно что-то делать.

Спиноза

— Спиноза прав: нужно что-то делать! — сказал я своей жене, проспав три недели в коридоре рабочего общежития, среди тысяч мух, на новом диване, из которого почему-то вытащили пружины. "Нужно принимать меры", — добавил я, вспоминая борьбу богов-олимпийцев с титанами.

В результате принятых мер на свет родилась телеграмма такого сюжета: "Москва. Министру связи. Предприятие не выполняет условия распределения, семья живет в коридоре. С приветом. Юрченко".

Комната была предоставлена.

Конечно, архитектор не думал, сидя или, может быть, стоя над своим чертежом типового дома с квартирами, предназначавшимися на одну семью, что его идея будет нагло попорана начальником ЖКО тов. Гончаренко, который небрежным распоряжением поселил под сенью одной крыши, одной кухни и одной уборной две семьи, две культуры и две идеологии. Речь идет о семье и чадах нашего соседа С. Иванихина.

"В процессе производства люди вступают в определенные отношения", — так сказано в учебнике политэкономии. "В процессе пользования общими местами и лампочками жилыцы коммунальной квартиры вступают в определенные отношения, которые являются объективными", — так, видимо, сказано в книге бытия или другой книге, которую оставил неблагодарному потомству творец Вселенной.

Великая мудрость этого пророчества не замедлила сказаться, как только очередной месяц подошел к концу, и общий электрический спидометр-счетчик накрутил 48 руб. 22 коп. Кто сколько должен платить? К этому прибавьте вопросы мойки полов, разделения сфер на плите.

Едва удастся потушить один скандал в его зачатии, как назревает другой, возникают новые спорные проблемы. Что это за проблемы? Например, уважаемый сосед занял сарай и погреб, которые частично должны принадлежать нам. Никакие дискуссии и даже угрозы не дали желаемых результатов.

Семья соседей состоит из: папы, мамы, одной дочки школьного возраста и второй дочки замужнего возраста. Между членами семейки существуют странные отношения. Прежде всего, отец не любит своих детей и часто не пускает их домой в комнату. Мать, напротив, очень привязана к детям и всегда беспокоится из-за их долгого отсутствия.

— Ты где, зараза, была? — нередко слышишь обеспокоенный вопрос, обращенный к только что пришедшей дочери. Двенадцатилетняя дочь, дабы замаять свою вину (она возвратилась домой утром), приступает к маме с загадкой: "Мам, отгадай, что это? Между ног болтается, на Х называется, как увидит П, подымается?" (имеется в виду хобот). Наступает минута, когда родителям и соседям становится почему-то неловко.

Наши соседи пришли в этот цивилизованный дом после барачков, где они привыкли к удобствам во дворе, и поначалу никак не могли освоить

уборную с унитазной системой. Наша культура, завезенная по распределению из Москвы, показала им, что их быт — это быт пещерного человека-си-нантропа. Поэтому они решили все перенимать у нас. Достаточно нам было прикрепить полочку над краном, как под утро появилась их идентичного покроя. Наше туалетное мыло заставляло их делать дополнительные расходы. Они втихаря выбросили лозунг "догнать!" и сопя стали нагонять нас. Случайно оставленные в банке ложки вызвали аналогичные действия. Дело дошло до того, что они однажды повесили в уборной на двери грелки, в этом случае, как выяснилось, подражая жившему здесь до них военному врачу, который действительно держал там ненужную рваную грелку.

Отец — мужчина средних лет с лицом амнистированного, усыпанным воронками оспы, как поле сражения воронками после боя. Он очень вежлив и учтив. "Тамара! — говорит, бывало, он, просовывая голову в щель кухонной двери. — Набери мне водички, а то я в трусах!" Тамара набирает и дает ему воду. Взяв кружку, он принимается пить, настезь распахивая дверь...

В ноябре 1987 года, когда Скалкину исполнилось 55 лет, он использует эту дату, чтобы с присущей ему самоиронией набросать отчет о своей жизни, рассказать о времени, в котором жил.

"Юбиляр о себе в эпоху гласности":

По свидетельству очевидцев, я родился в Одессе, в 1-м Куликовском переулке, в маленьком домике, построенном еще во времена правления графа М.С. Воронцова. Но я моложе, хотя дом этот еще стоит. На одном из строений этого переулка в скором времени появится мемориальная доска в честь Валентина Катаева...

Как измерить возраст человека? Дерево — годовыми кольцами. Да, но для этого его надо перепилить поперек. Человеку вроде бы проще: у него есть документы, которые, правда, очень не котируются у туземок острова Тикитак. Они прячут свои паспорта, не меняют на них фотографии и вообще всячески бойкотируют письменность...

Из девяти периодов нашей страны я в сознательном состоянии жил или действовал в течение пяти: война, послевоенная разруха и культ, XX съезд, застой, перестройка. Я видел живого Сталина, Молотова, Ворошилова, Буденного, Хрущева. С далекой трибуны на меня сквозь пенсне взирал Лаврентий Берия.

Я первым экраном смотрел "Серенаду Солнечной долины", покупал хлеб по карточкам, танцевал па-де-катр и гавот, в то время как по одесским улицам бегали трамваи, завезенные сюда еще дореволюционной бельгийской компанией. Я застал в свободной продаже камбалу, маслины и охотничьи сосиски.*

В войну я жил в деревне, где заготавливал сусличьи шкурки, выращивал огурцы, пас коров и гнал самогон, что теперь дает мне право квалифицированно торговаться на Привозе, критикуя низкое качество сельхозпродукции и нарушение технологии.

После войны жил в Ялте, где работал на киностудии художником и характерным актером из толпы. Мои успешные занятия киноискусством прервал пиротехник, который ловким ударом по шашке вызвал взрыв, в результате чего шесть актеров из массовки, в том числе и я, были отправлены в больницу с повреждениями. С тех пор я два года заикался.

В Одессе я жил и учился в интернате, где познал ценность мужской дружбы, мудрость наук и выучил 90 английских неправильных глаголов.

Военный институт иностранных языков, куда я попал позже, был уникален не только тем, что под одной крышей изучалось 32 языка мира (включая малайский и суахили), но и потому, что тонкости теории Марра и де Соссюра сочетались со строевыми упражнениями на плацу, с тактическими занятиями в поле и стрельбой из пистолета. Преподавательский корпус составляли только звезды — профессора Цветкова, Колшанский, Бархударов, Швейцер и др. Руководил нами большой генерал Хозин, который остался жив, несмотря на неудачи на Калининском фронте и возражения лично Сталину. Из его рук я получал призы за учебу и активное участие в художественной самодеятельности.

Затем работа директором в клубе, учителем в школе, завучем на курсах. Необходимость совершенствования всего вокруг привела меня к написанию учебников. Три четверти миллиона экземпляров моей продукции заполнили книжный рынок. Одно из пособий стало настолько популярным, особенно среди лиц особых устремлений, что за один экземпляр книги платили 80 рублей с рук. Диссертации, которые писал автор, отвлекали его от процесса.

Я побывал в Болгарии, Югославии, Румынии, Польше, Турции, Италии, Дании, Франции и Англии. В Париже был дважды, который вслед за Тургеневым и Маяковским полюбил.

* Нынешнему читателю этот пассаж не понять — в те советские годы упоминающиеся скалковыми продукты на прилавках магазинов отсутствовали, их можно было купить либо "по благу", либо на черном рынке.

Я никогда никому и ничему не завидовал. Среди моих товарищей-сверстников есть дипломаты, генералы, журналисты-международники, режиссеры и даже начальники ЖЭКа. Никем не хотел бы быть, кроме как тем, что я есть. Не хотел бы все начинать сначала — никаких повторных просмотров!

Я всегда говорил то, что думаю, и делал, что хотел. Болевые удары, тумачи, апперкоты и другие формы проявления ко мне внимания получал в изобилии справа и слева, в хвост и в гриву, и даже в пах, от чего у меня подрагивает правое веко и плохо растет щетина на левой щеке.

Мне никогда не везло. Я никогда ничего не выигрывал, передо мной в очереди кончались пельмени, а отдел в универмаге обычно закрывался для сдачи кассы — но, конечно, не мне. Если на остановке подходит трамвай, то — не мой, а водитель, в полупустой нужный мне троллейбус которого я вскочил, радостно сообщает, что едет в парк.

Так вот я дошел до своих лет, до нынешнего состояния.

Я много не успел, много не сделал. Я не прыгал с парашютом в затяжном прыжке, не гулял в пампасах и не носил лампасы, не был лично знаком с Брижит Бардо и Ноной Мордюковой, не ел супа из плавников акулы, не видел в глаза и тем более не держал в руках чеки Внешторгбанка.

Несгибаемость коленных суставов и склеротизированность сосудов вычеркивают из списка возможных дел ряд полезных поступков или амплуа. Например, я уже никогда не стану эксцентриком-вольтижером в цирке, не буду дирижировать камерным оркестром, не буду членом экономической делегации на важных переговорах в республике Буркина Фасо или нападающим в футбольной команде "Черноморец", особенно теперь, когда моряки перешли в высшую лигу.

Когда-то я запоем читал классику и беллетристику, с интересом перелистывал "Плейбой", теперь регулярно выписываю журнал "Здоровье". От самостоятельного конферансье и профессионального тамады я дошел до членства в обществе трезвости.

Друзей растерял. Иных уж нет, а те занялись огородничеством. Один культивирует капусту под Саратовом, другой строит дачу с теплым туалетом, третий держит позу лотоса в свободное от работы время, четвертый выращивает внуков.

Жизнь научила меня быть неприятным стойком. Туфлям, которые я ношу, семнадцать лет — они были куплены еще во время холеры.*

* Имеется в виду вспышка холеры в Одессе летом 1971 года, когда город был закрыт на карантин

У меня никогда не было личного парикмахера или массажиста. Известный главный мозолист Приморского района Гарольд Инчян обслуживал многие конечности, но не мои. Обычно я стригусь в цирюльнях при вокзалах, где нет очередей или, по крайней мере, снобов, — в них люди, которые хотят постричься, а не хорошо выглядеть.

Короче, на днях ко мне обратилась начинающая журналистка — корреспондент молодежной мелитопольской газеты "Ранний призыв", с просьбой дать интервью. Вот ее вопросы и мои ответы:

— Как вы относитесь к славе?

— Очень хорошо. Причем и к Станиславу Говорухину, и к Вячеславу Штирлицу.

— Что вы коллекционируете?

— Остроты коллег и жены, и их критические замечания в мой адрес.

— Что вы думаете о себе?

— Ничего хорошего. Интересно, что так думают многие.

— Ваше жизненное кредо?

— Вечное движение.

— Ваше увлечение?

— История ливневой канализации.

— Предмет вашей гордости?

— Дети, ученики, кот Рамзес, тезисы докладов.

— От чего страдаете?

— От информатики. От обилия телефонных номеров, адресов, явок и паролей.

— Ваш любимый напиток?

— Молоко. Которое на губах не обсохло.

— Ваш идеал мужской красоты?

— Жан Марэ, Армен Джигарханян.

— Ваш идеал женской красоты?

— Надежда Чепрага, Майя Чебурданидзе.

— Ваши творческие планы?

— Выжить при данном наборе моих диагнозов.

Одесса, 15 ноября 1987 г.

